

Н.В. Устрялов
К ВОПРОСУ О РУССКОМ ИМПЕРИАЛИЗМЕ.

Служение родине налагает на каждого мыслящего гражданина обязанность выяснить смысл этого служения, продумать и оправдать его мотивы.

“Великая Россия” – таков лозунг, объединяющий собою ныне самые широкие и разнообразные круги русской общественности. Мы боремся за честь и достоинство родной страны, “нам нужна Великая Россия”. Каково же реальное содержание этого продиктованного жизнью лозунга, как мыслятся основные условия его осуществимости, в чем сущность той идеологии, исповедание которой логически приводит к нему? Только тогда может быть разрешена проблема Великой России, когда будет отчетливо уяснен самый характер ее постановки. Настоящая статья ставит себе целью наметить в этом направлении определенные перспективы.

1.

Вера в “Великую Россию” есть прежде всего вера в русское государство. Иначе говоря, “Великою” Россия может быть лишь в качестве его государства. К этому убеждению одинаково неизбежно приводят и данные “теории”, и живые факты эмпирической действительности.

Человечество настоящей исторической эпохи существует и развивается под знаком государственности. Жизнь современных “народов” есть жизнь государств. И, конечно, это явление не случайно, оно коренится глубоко в природе вещей. Народная “личность”, национальная “идея”, как всякая духовная монада, для своего проявления требует определенного единства. Нужен центр духовной энергии, действующей по целям, необходим оформляющий принцип деятельности. Единое целостное начало должно скреплять собою то сложное многообразие, каким представляется историческая жизнь того или другого “народа”. И вот государство и явилось таким объединяющим, оформляющим, скрепляющим началом.

Государственная организация родилась на определенной стадии всемирно-исторического развития, когда низшие формы социального быта перестали соответствовать степени достигнутого человечеством культурного возраста. Быть-может, первоначально или, по крайней мере, в первоначальной своей “идее” государство было непосредственно связано с племенем, расой, народностью. Но с течением времени эта связь существенно ослабела[,] и государство приобрело независимое, самодовлеющее значение. Единство по принципу породы, племени, словом, “физиологии”, оказавшись чересчур узким и бедным, сменилось единством более высокого порядка. Правда, однородное племенное ядро полезно и для современного государства; но все же оно отнюдь не является его необходимою особенностью. Даже “нация” в том смысле, в каком ее теперь

принято понимать наукою<1>, не может считаться его конститутивным признаком. Если теоретически нельзя отрицать, что нация способна создать государство, то в действительности несравненно чаще наблюдается обратный процесс: государство создает единую нацию. Благодаря объединяющей силе государства, прежде чуждые друг другу группы людей сживаются, взаимно сближаются, приобретают “множество общих своеобразных культурных элементов и общее историческое прошлое”. Так, напр.[имер], нередко бывает с покоряемыми путем внешней силы областями: проходят годы, и население этих областей, раньше сторонившееся и ненавидевшее своих победителей, привыкает к ним, иногда даже вполне сливается с ними. В этом отношении до последней степени поучителен и ярок стоящий ныне у нас всех перед глазами трагический пример Польши: пусть душа ее доселе едина, но разве не троится она, подобна телу, в котором обитает? Разве секрет, что если русские поляки всецело преданы России, то поляки австрийские, в общем, верны Австрии, а немецкие – Германии?...

В самой государственности, в самой “эссенции” государства, очевидно, имеется какой-то крепкий фермент, способный удерживать в державном единстве элементы, подчас весьма разнородные. Государство современности претворяет в себе целую сложную совокупность различных национальных, расовых, этнографически, исторически и культурно своеобразных особенностей, пронизывает многообразное содержание единою творческою формою, объединяет отдельные элементы в некий высший синтез и под знаком этого синтеза являет себя человечеству и всемирной истории.

Государства – те же организмы, одаренные душою и телом, духовными и физическими качествами. Государство – высший организм на земле[,] и не совсем неправ был Гегель, называя его “земным богом”. Оно объемлет собою все, что есть в человечестве ценного, все достояние культуры, накопленное веками творчества. Государство – необходимое условие конкретной нравственности, через него осуществляется в жизни Добро.

“В е л и к а я Р о с с и я” д о л ж н а б ы т ь п р е ж д е в с е г о г о с у д а р с т в о м .

Между тем, общеизвестно, что именно в русской культуре идеям государственности было очень трудно добиться признания. Не только славянофильская линия русской мысли, но и другие ее течения нередко относились к государству как-то недружелюбно: или с абсолютным, откровенным отрицанием, или с враждебною подозрительностью, или несколько презрительно, “свысока”. Это широко распространенное недружелюбие могло даже дать повод к заключению, что русский народ – народ аполитический, безгосударственный, неспособный к организации, дисциплине и правопорядку. Однако, подобное печальное заключение опровергалось фактом великого и все растущего русского государства<2>.

Из всех “критиков” принципа государственности лишь Толстой неуклонно и до конца последователен. Вместе с государством он отрицал и всякое принуждение, “осудил” даже всю вообще “культуру”, а, главное, имел мужество отрицать и “Великую Россию”. Его проповедь приобрела от этого

значительную моральную возвышенность и чистоту, но зато уже совершенно отрешилась от конкретной жизненной обстановки, прошла целиком “мимо жизни”.

Славянофилы верили в “русскую идею”, но связывали ее не с государством, а с общиной, “миром”, с “Землею”. Но глубоко ошибочно[й] должна быть признана их теория, резко отделяющая “Государство” от “Земли”. Эти начала нераздельны и принципиально, и фактически. Государство есть познавшая себя в своем высшем единстве, внутренне просветленная Земля. Земля без Государства – аморфная, косная масса, Государство без Земли – просто nonsens, голая форма, лишенная всякой реальности.

“Дух жизни”, в свое время воспетый Хомяковым, заставил Россию выйти на единственно достойный великого народа путь – путь смелого и широкого государственного строительства. Вопреки бесчисленным внешним препятствиям, вопреки некоторым собственным нашим национальным свойствам, мы создали мощный государственный организм: повидимому, мы нужны всемирной истории, и она не дала нам погибнуть.

2.

Внутри каждого государства творится особая культура, универсально ценная, но индивидуально окрашенная; быть-может, универсально ценная именно своею индивидуально-своеобразною окрашенностью. Все те элементы, сложная совокупность которых составляет душу и тело государства, не исчезают в его конкретном единстве. Напротив, чем совершеннее государство, тем полнее и явственнее они сохраняются, придавая объединяющему их целому специфический, оригинальный облик. Каждая держава имеет свою собственную культуру, ряд особенных, только ей принадлежащих отличительных признаков. В этой культуре, равно как в этих печатях индивидуальности запечатленных признаках, и лежит источник того обаяния, которое присуще “отечеству”, “родине” в глазах каждого гражданина. Патриотизм объясним лишь через высшие категории эстетики, – идеей своеобразного конкретного синтеза.

Каждый государственный организм призван, таким образом, по своему оплодотворить собою историческую жизнь человечества, сказать миру свое особое слово. Каждый живет этим своим “словом” и стремится, чтобы оно звучало мощнее и громче. Каждый добивается, чтобы оно прозвучало на весь мир.

В области международной жизни есть глубоко знаменательное соответствие между авторитетом духовного порядка и мощью внешнею, политическою. Развитие духовной культуры государства как-то интимно связывается с ростом его политической силы. Этот общий закон государственного бытия, подтверждающийся постоянными фактическими примерами, в истории русской мысли отмечался еще Хомяковым: “по тайному (но, может-быть, понятному) сочувствию между духом человека и

объемом общества – читаем мы у него, – самое величие ума и мысли принадлежит только великим народам”<3>.

Да, это несомненно: великая культура может принадлежать лишь могущественному национально-государственному целому.

И отсюда перед каждым государством встает практический императив: стремись к расширению, будь могучим, если хочешь быть великим! Здесь – не только голос биологически естественного и ценного инстинкта; здесь – веление нравственного разума, завет и требование исторического Духа. Сущее и должное здесь совпадают воедино, как два аспекта одного и того же явления.

Те нации, которые уже исполнили свою миссию, “слова” которых уже отзвучали, должны политически умереть и дать место другим. Но “места” во всемирной истории не даются даром – нужно уметь их взять, нужно на деле доказать свое преимущество перед старыми обладателями и новыми претендентами. Для этого прежде всего необходимо познать себя, свои духовные силы, пределы своих внутренних возможностей. Ибо нередко, переоценив себя, и великие державы терпят тяжкие крушения. Так было с Наполеоном. Так было с Россией в эпоху крымской войны. Повидимому, так будет с теперешней Германией. Государственная воля к власти должна регулироваться властью государственного разума.

Этими соображениями, мне кажется, оправдывается то явление, которое ныне обычно носит название империализма. Империализмом объясняются многие великие события на протяжении всей истории человечества. Идея империализма лежит в основе политики всех современных государств. Эта идея жизненна и глубоко плодотворна.

Международная политика Великой России должна быть великодержавной политикой, политикой империализма.

Защищать принцип “Великой России” и одновременно отрицать империализм значит обнаруживать или недостаточное понимание защищаемого принципа, или несомненную непоследовательность.

Нужно выбирать: или откровенный космополитизм (будь то социалистический, будь то анархический, будь то религиозный), или державная политика. *Tertium non datur*. Всемирная история идет вторым путем.

“Славянский мир похож на женщину, никогда не любившую и поэтому самому, повидимому, не принимающую никакого участия во всем происходящем вокруг нее. Она везде ненужна, всем чужая. Но за будущее отвечать нельзя; она еще молода, и уже странное томление овладело ее сердцем и заставляет его биться скорее”. Так писал Герцен в 1851 году<4>.

Что касается русской государственности, то это утверждение не было верным и тогда. Но оно очень метко характеризует настроение, широко распространенное в русской общественности.

Не пора ли нам, наконец, осознать свою любовь? Не зажжет ли мировой пожар наших дней в каждом русском сердце эрос “Великой России”?...

3.

Путь империализма – необходимый и вполне законный путь великих государств. Нужно это открыто признать. Иначе в нашей идеологии непременно будет слышна та фальшивая нотка, которая компрометантна прежде всего для нашего собственного национального самосознания. Можно ли принять понимание текущей войны народов, как “войны против империализма, воплощающегося в Германии”, и в соответственном трактовании нашего врага, как “врага рода человеческого”.

Будем искренни и честны! Будем объективны! Разве империализм – специфическое свойство только германской политики и державы согласия не выступают под знаменем империализма?

Разве “воля к мощи”, “воля к расширению” не свойственна современной Англии? Вспомним англо-бурскую войну. Вспомним английскую политику в Египте, в Азии. Вспомним вообще английскую историю. И было бы очень наивно утверждать, что Англия не знает милитаризма: ибо что такое английский флот, как не детище милитаризма, во всяком уж случае не менее грозного, нежели его германский брат и соперник. Империализм невозможен без воинствующего мирозерцания, без постоянной работы о внешнем могуществе. Англия слишком мудра, чтобы в нашу эпоху не проникнуться принципом милитаризма. И если островное положение и общая международная конъюнктура позволяли ей до самого последнего времени ограничиваться лишь культом морской военной силы, то с точки зрения принципиальной различия между нею и Германией уловить нельзя. И там и здесь – державная политика, обеспеченная вооруженною мощью. Очень поучительна в этом отношении книжка английского профессора Крэмба...

Современная Франция менее типична. Она более утомлена историей, “наполеонизм” слишком истощил ее, в ней сейчас разлита не столько центробежная, сколько центростремительная сила. Но и она, повинувшись основному закону государственного бытия, не может оставаться в абсолютном покое, в полном довольстве своими границами. Достаточно вспомнить хотя бы ее определенно наступательную политику в Африке (Марокко), ее активную роль на Дальнем Востоке, не говоря уже об ее стремлении воссоединить Эльзас-Лотарингию...

Возьмем наших других союзников. По великодержавному пути неуклонно идет Япония. Сербия наглядно доказала свою волю и свою способность к расширению в эпоху балканских войн 1912–1913 годов. Кроме того, она стремится на запад, к Боснии и Герцеговине. Италия и Румыния никогда не скрывали своих государственно-национальных стремлений.

Наконец, оглянемся беспристрастно на самих себя. Кажется, история нас не обидела, нам нечего жаловаться, земля наша поистине велика и обильна. Однако, припомним жизнь России за последнее столетие. Постоянное расширение, приумножение государственного достояния, постоянный рост, борьба... Польша, Финляндия, Кавказ... Войны на Ближнем Востоке, средне-азиатская политика, война на Дальнем Востоке... “Теплое море”, Царьград, Маньчжурия, Владивосток, Порт-Артур... Сама природа заставляла нас распространяться во все концы: Россия – подлинно величайшее государство, и потому ей всегда было тесно в ее фактических пределах. Осуществлялись очередные задачи – открывались новые возможности, новые перспективы. И всегда рождались соответствующие теоретические обоснования всех этих широких притязаний...

И нам нечего скрываться, стыдливо умалчивать о своем великодержавном могуществе, о своей активности, агрессивности. Непристойно льву рядиться в шкуру ягненка. Неуместно русскому богатырю надевать на себя маску напускной елейности, прятать острый меч и булатную палицу под лохмотья перехожего калики или под рясу чуждого миру монаха... Да, мы здоровая нация, великая и духовно, и физически. Да, мы свободно стремимся вперед, в нас живет воля к мощи. Разумеется, такую же волю мы не в праве отрицать и в других. Но если наш исконный, естественный путь совпадает с исконным, естественным путем другого государства, столкновение неизбежно, неотвратимо, и бесполезны попытки его избежать. Подобные столкновения при всем их ужасе, глубоко плодотворны: они творят историю, они сжигают отжившее и дают дорогу всему новому, достойному жизни.

4.

Все живое должно рождаться в муках – таков закон, таков рок или, если угодно, таково проклятие нашего земного бытия. Отказ от мук – отказ от жизни, от живого творчества. Если нация таит в себе подлинно зиждательные силы, ей не страшны крестные страдания: она жертвует собою во имя своей “идеи” и слово свое она скажет во что бы то ни стало.

Всемирная история и представляется нам ареною этих постоянных состязаний государства, этой постоянной конкуренции национальных “идей”. Внутри каждой державы совершается непрерывный процесс физического и духовного роста, созревания, наконец, умирания. Результаты таких процессов неминуемо сказываются и в междугосударственной жизни. Одни деятели уступают место другим, беспрестанно являются в свет новые факторы развития. “Международный порядок” есть нечто временное и глубоко условное – он всецело обусловлен наличным соотношением наличных сил культурного человечества. И не следует делать из него какого-то мнимо священного принципа, фетиша, которого грех коснуться. Изменится осязательным образом внутреннее состояние одного из государств, деятелей всемирной истории, – неизбежно, автоматически

нарушится и “международная конъюнктура”. Так было, так есть и, вероятно, так будет. И нет оснований жалеть об этом.

“Идеи” культурных государств своеобразно скрещиваются, переплетаются и вместе с тем взаимно враждуют, состязаются, стремятся покорить друг друга. Это – великая, эстетически ценная и плодотворная борьба различных стилей, разнохарактерных сопособствительностей. Каждый из них по своему законен и нужен, каждый по своему выражает собою универсальное, вселенское начало. Но воистину необходима и взаимная борьба их: она – ручательство, что человечество не застыло на месте, она – главный фактор прогресса.

Каждый здоровый государственный организм влечется к расширению, к большей мощи, и каждый ограничивается аналогичными влечениям таких же, как он, организмов. Тут явственно чувствуется печать какой-то высшей мудрости. Великие войны, подобные переживаемой нами, являются как бы беспристрастным приговором исторического Разума по поводу тяжб между земными государствами. Совершается суд над народами, над их чаяниями, над их “идеями”. Органические изменения, за определенный период времени назревшие в отдельных государствах, получают авторитетную санкцию в плане всемирной истории. Внешний, “физический” облик мира приводится в соответствие с его внутренним, духовным обликом. Внутренне оправданные, подлинно законные притязания удовлетворяются, внутренне ложные, пустые поползновения (будь-то “наступательного”, будь-то “оборонительного” характера) терпят заслуженное крушение. Выясняется и устанавливается истинный удельный вес всех участников международного состязания перед верховным трибуналом исторического Промысла.

5.

Так рисуются мне в основных чертах теоретические предпосылки стоящей перед нами проблемы – проблемы Великой России. Текущая война есть переоценка наличного “международного порядка” и вместе с тем испытание физических и духовных сил современных государственных организмов. Ее результаты не могут быть случайными. Ее исход заранее предрешен развитием драматического действия на протяжении всей ныне завершающейся главы исторического процесса, обусловлен объективным смыслом этой главы. Окончится война – вскрыется смысл; не ранее: “сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек”<6>.

Идет борьба различных национально-государственных “идей” и “стилей” современного культурного мира. Каждая великая держава столько же “обороняется”, сколько “наступает”, ибо каждая стремится удержать свое прежнее достояние и сверх того укрепить его новыми приобретениями. Пока Англия, Россия и Франция не менее изменяли карту мира, чем Германия и Австрия. Пусть Великая Германия увлечена лозунгом “Berlin – Bagdad”, образ “Царьград” настойчиво манит Великую Россию. Если “германизм”

законно гордится величию своей культуры, то мы ему должны (и можем!) противопоставить не менее величественные очертания еще молодой, но уже несомненно яркой культуры русской. О, конечно, здесь перед нами еще большой труд, огромное поле деятельности, напряженной работы над собой.

Но во всяком случае мы не должны скрывать своих национально-государственных стремлений вширь. Не секрет они ни для наших врагов, ни для наших союзников. Пусть Разум истории рассудит, кто имеет большие права на Константинополь, кто более достоин его: Турция и Германия, или Россия. “Принцип сложившегося международного порядка”, равно как и “национальный принцип”, – за Турцию. Но “Дух истории”, хочется верить, за нас. Разумеется, многое тут зависит от самой России. Выдержит ли она великое материальное и моральное, физическое и духовное испытание, окажется ли ее национальный гений на высоте стоящих перед ним и уже отчетливо осознанных им задач?...

К Царьграду, казалось, издавна звала нас история. За последнее столетие этот зов нашел живой и вместе с тем вполне сознательный отклик в “душе” нашей родины. Лучшие русские люди указывали на Константинополь, как на грядущий путь России: национальные поэты и публицисты подчеркивали глубокий идейный смысл предстоящей “аннексии”, активные политики заботились о практической стороне дела, а русский народ приносил кровавые жертвы...

Москва и град Петров, и Константинов град –

Вот царства русского заветные столицы

– так писал Тютчев еще в 1848 году. Он понимал, что Царьград – это “всемирная судьба России”, и был уверен, что настанет время, когда “своды древние Софии в возобновленной Византии вновь осенит Христов алтарь”.

“Константинополь рано или поздно должен быть нашим” – многократно писал Достоевский в 70-х годах.

Вся современная русская публицистика единодушно исповедует и проповедует то же убеждение. Самые разнообразные теоретические воззрения согласно порождают единый заветный практический лозунг: “в Царьград!”

Русско-турецкие войны фатально вели нас к Босфору. Лучшие исторические традиции русской внешней политики ведут туда же. И, будем верить, балканская война 1912 года окажется предпоследним этапом на этом пути.

Скоро, скоро узнаем...

А пока вывод ясен. Если руководящим началом нашей политической деятельности является великое русское государство, “Великая Россия”, то столь распространенный ныне взгляд на текущую войну, как на “войну за европейскую свободу”, “войну за попираемые права малых наций”, “войну против империализма”, “войну против германского милитаризма”, “войну против войны” – со всей этой знакомой идеологией и фразеологией придется решительно порвать. Ибо последовательно придерживаться ее возможно лишь с точки зрения узкого, кабинетно отвлеченного (хотя, быть-может, и

возвышенного) анархического, космополитического идеала, иначе говоря, лишь отвергнув идею государства, лишь отказавшись от “Великой России”.

Н. Устрялов.

*1 „Нации суть не естественные, а историко-социальные образования... Нация не есть что-либо объективное. Нация есть нечто существенно субъективное, т. е. свойство определенного содержания сознания. Группа людей, сознающих себя объединенными множеством общих своеобразных культурных элементов и общим историческим прошлым и потому отличными от других людей, образует нацию.” (Еллинек, „Общее учение о государстве”, СПб. 1908, стр. 84–86).

*2 Эта своеобразная антиномия русской культуры метко очерчена Н. А. Бердяевым в его лекции-брошюре „Душа России”.

*3 А. С. Хомяков, т. I, Москва[.] 1861, стр. 227.

*4 „Русский народ и социализм” (письмо к Мишлэ).

*5 Так поступал на Руси лишь Алеша Попович...

*6 Hegel, "Philosophie des Rechts", Vorrede.